

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 1, pp. 211–221. 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-25

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык

Сунь Сяоли¹, Наталья Викторовна Богданова-Бегларян²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 аспирант

 0000-0003-2319-7398. E-mail: [sunxiaoli_smile\[at\]163.com](mailto:sunxiaoli_smile[at]163.com)

² Санкт-Петербургский государственный университет (д. 11, ул. Университетская набережная, 199034 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-7652-0358. E-mail: [n.bogdanova\[at\]spbu.ru](mailto:n.bogdanova[at]spbu.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В художественных произведениях писатели достаточно активно используют прагматические маркеры, создавая с их помощью речевой портрет того или иного персонажа. Исследования показали при этом, что русские прагматические маркеры имеют повышенную синтагматическую активность, выступая в тексте не по одному, а в «компании» с другими подобными единицами. *Целью* настоящего исследования является анализ приемов перевода цепочек прагматических маркеров в русских художественных текстах на китайский язык — на примере маркеров *это*, *это самое* и *как его* (*eĕ*, *ix*). *Материалы и методы.* Материалом для анализа стали 19 контекстов из 8 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и их китайские переводы. В работе использованы такие методы, как целенаправленная выборка, а также контекстный, сопоставительный и дискурсивный виды анализа. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что прагматический маркер *это самое* не имеет в китайском языке абсолютного эквивалента по форме и по функции, что создает большие проблемы для переводчиков. Только немногие из них оказались способны перевести *это самое* с использованием китайских аналогов 这个 *чжэ гэ* (zhe ge) или 那个 *на гэ* (na ge). Структурные варианты русских прагматических маркеров *это* и *как его* (*eĕ*, *ix*) часто встречаются в художественных текстах так же, как и в реальной (живой) русской речи. Переводчики легко ассоциируют прагматические маркеры *как его* (*eĕ*, *ix*) с полноточным выражением *как его* (*eĕ*, *ix*) *зовут/называют*, с той же поисково-хезитативной функцией, а прагматический маркер *это* — с его китайскими аналогами 这个 *чжэ гэ* (zhe ge) или 那个 *на гэ* (na ge). В результате эквивалентность на уровне функции при переводе цепочек

прагматических маркеров с компонентами *как его* (*её, их*) и *это* достигается гораздо легче, чем при переводе цепочек прагматических маркеров с компонентом *это самое*. **Выводы.** Способность прагматических маркеров «притягиваться» друг к другу дополнительно осложняет как процедуру их выделения в тексте, так и их перевод на другие языки.

Ключевые слова: прагматический маркер, художественный перевод, дискурсивный анализ, контекстный фактор, стилизованная речь, сопоставительный анализ, синтагматическая активность

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи» (№ 22-18-00189).

Для цитирования: Сунь Сяоли, Богданова-Бегларян Н. В. Специфика построения цепочек прагматических маркеров при переводе русских художественных текстов на китайский язык // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 1. С. 211–221. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Translating Russian Fiction into Chinese: The Specifics in Building Chains of Pragmatic Markers

Sun Xiaoli¹, Natalia V. Bogdanova-Beglarian²

¹ St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation) Postgraduate Student

 0000-0003-2319-7398. E-mail: sunxiaoli_smile[at]163.com

² St. Petersburg State University (11, Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian Federation) Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7652-0358. E-mail: n.bogdanova[at]spbu.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Sun X., Bogdanova-Beglarian N. V., 2023

Abstract. *Introduction.* Russian writers quite actively use *pragmatic markers* (PM) to create a speech portrait of a particular character. At the same time, studies have shown that Russian PMs are characterized by increased syntagmatic activity and tend to appear in text not alone but in ‘company’ with other similar units. *Goals.* The study seeks to analyze the methods employed to translate PM chains contained in Russian literary texts into Chinese — through the example of the markers *eto*, *eto samoe* and *kak yego* (*yeyo, ikh*). *Materials and methods.* The paper analyzes a total of 19 contexts from 8 Russian fiction works included in the main subcorpus of the National Russian Corpus — and their Chinese translations. The work employs purposeful sampling, as well as contextual, comparative and discursive types of analysis. *Results.* The study shows that the Russian *eto samoe* has no absolute Chinese equivalent in terms of form and function, which presents big challenges for translators. Only few of the latter were able to translate *eto samoe* using the Chinese counterparts 这个 *zhe ge* or 那个 *na ge*. Structural variants of the Russian pragmatic markers *eto* and *kak yego* (*yeyo, ikh*) are often found both in literary texts and Russian oral (live) speech. Translators easily associate the pragmatic marker *kak yego* (*yeyo, ikh*) with the full-value expression *kak yego* (*yeyo, ikh*) *zovut/nazyvajut* performing the same search-hesitation function, and the pragmatic marker *eto* with its Chinese counterparts 这个 *zhe ge* or 那个 *na ge*. As a result, when it comes to translate PM chains with the components *kak yego* (*yeyo, ikh*) and *eto*, functional equivalence is achieved much easier than in case of PM chains with the component *eto samoe*. *Conclusions.* The ability of pragmatic markers to ‘attract’ to each other further complicates both the procedure of their identification in a text and their translation into other languages. **Keywords:** pragmatic marker, literary translation, discursive analysis, context factor, stylized speech, comparative analysis, syntagmatic activity

Acknowledgements. The reported study was co-funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-00189 ‘Structure and Functioning of Stable Multi-Word Units of Everyday Russian Speech’.

For citation: Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N. V. Translating Russian Fiction into Chinese: The Specifics in Building Chains of Pragmatic Markers. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 211–221. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-211-221

Введение

По наблюдениям лингвистов, «разговорная речь исследуется как самодостаточная система, в отношении к просторечию и кодифицированному литературному языку, в чисто теоретическом и практическом плане применительно к обучению русскому языку иностранцев» [Рыжова 2003: 29]. Использование разговорных элементов как средства имитации реальной живой речи характерно и для художественных текстов. По мнению В. Н. Виноградовой, «проблема изображения разговорной речи разных социальных слоев в художественной литературе сама по себе довольно интересна и заслуживает право на существование» [Виноградова 1979: 67]. В прямой речи персонажей сохраняются индивидуальные и стилистические (грамматические, лексико-фразеологические и интонационные) особенности сказанного кем-то (иногда даже самим автором): диалектные черты, повторы, паузы, вводные слова и т. п.

Кроме того, «в языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртене 1963: 349]. Языковые преобразования имеют непосредственное отношение к ряду активных процессов современной русской речи, которые способствуют изменению категориального статуса исходной языковой единицы. Одним из таких процессов является *прагматикализация*, исследовательский интерес к которой в последние годы существенно возрос (см., например: [Зайдес 2020; Горбунова 2021; Прагматические маркеры... 2021]).

Результатом прагматикализации становятся особые функциональные речевые единицы — *прагматические маркеры* (далее — ПМ), которые утрачивают (или существенно ослабляют) в ходе этого про-

цесса свое исходное лексическое и / или грамматическое значение и начинают выполнять в тексте только определенные прагматические функции [Богданова-Бегларян 2021: 13]. В ходе прагматикализации от слова-источника (полнозначного слова) эти единицы проходят по пути «десемантизация — (грамматикализация) — прагматикализация — закрепление функции» [Богданова-Бегларян 2021: 16].

Слово *самый* в академических толковых словарях квалифицируют как *определятельное местоимение*, в то время как в повседневной речи оно очень часто попадает под действие процесса прагматикализации и в результате «выходит» из класса местоименных слов и «превращается» в компонент функциональной единицы дискурсивного уровня — прагматического маркера *это самое* (ЭС) [Богданова-Бегларян 2021: 18; Прагматические маркеры... 2021: 435–458], который является одним из объектов настоящей работы.

Второй объект *это* не является редуцированной формой ПМ *это самое*. В лингвистической литературе эта форма дается отдельно от ЭС в разнообразных списках «слов-паразитов», которые «свидетельствуют <...> о недостаточной речевой культуре» говорящего [Земская 1987: 91].

Третьим объектом внимания в исследовании является другая «лексикализованная конструкция с местоименным компонентом» [Подлеская 2013: 634] *как его (ее, их)*. Исследователи относят ее к классу хезитативных маркеров. Английское выражение *what chama call* соотносится с данной конструкцией, поскольку в словарях его переводят именно как «как его / ее / их там (о вещи или человеке, названия или имени которого не могут вспомнить)»¹ или просто

¹ Англо-русский большой универсальный переводческий словарь [электронный ресурс] // URL: <https://eng-rus-big-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.10.2022).

как *их там*¹ (подробнее см.: [Hayashi, Yoon 2006; Podlesskaya 2010; Прагматические маркеры... 2021: 222]).

Б. Франк-Джоб отмечает, что одним из сопутствующих свойств образовавшегося ПМ является частое совместное употребление нескольких маркеров в одном контексте [Frank-Job 2006: 397] (подробнее о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи, а также о характеристике цепочек ПМ см., например: [Богданова-Бегларян 2019; Ким 2020; Сунь Сяоли 2022]). В настоящем исследовании наибольший интерес представляет влияние синтагматической активности («магнетизма») прагматических маркеров русской речи на их перевод.

Материалы и методы

Материалом для конкретного анализа в работе стали 19 контекстов из 8 русских художественных произведений из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и их китайские переводы [Ли Бо 1936; Лэй Жань 1981; Цзян Чанбинь 1984; Дай Цун, Жэнь Чжун 1985; Вэй Фаньсюй и др. 1987; Ли Туншэн и др. 2002; Люй Шаоцзун 2004; Ли Ган 2010]. Все подобранные русские тексты являются оригинальными и содержат исследуемые 3 ПМ в «классической» форме именительно-винительного падежей, среднего рода единственного числа *это самое* и 18 ПМ *как его* (*её, их*): 14 вариантов *как его* (77,8 %); 2 варианта *как её* (11,1 %) и 2 варианта *как их* (11,1 %), которые выстраиваются в цепочки с другими маркерами. Видно, что чаще всего в романах употребляется ПМ *как его*. Кроме того, можно предположить, что именно этот маркер чаще притягивает к себе другие маркеры, т. е. имеет более высокую синтагматическую активность.

В работе применены такие методы, как целенаправленная выборка, с помощью которой был собран пользовательский подкорпус материала, а также его контекстный, сопоставительный и дискурсивный анализ.

Результаты анализа

Сначала рассмотрим три примера ПМ ЭС в составе комбинированных цепочек, ср.:

¹ Лингво-лаборатория «Амальгама» [электронный ресурс] // URL: <http://www.amalgama-lab.com> (дата обращения: 01.12.2022).

(1) *Именно это внушает мне глубокую веру в это самое, как его, в окончательное торжество дела, которому мы с вами посвятили наши жизни* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

正是这一点，噯，使我对那个，对你我为之贡献生命的事业及其最后胜利，充满了信心。[Цзян Чанбинь, 2 1984: 549];

(2) *И дозвоьте узнать, с револьверу это они это самое, значит, или с чего другого?* [НКРЯ. М. М. Зощенко. Дамское горе (1926)];

“请允许我问一下，他，看起来，是用手枪干的，还是别的什么枪？”[Люй Шаоцзун 2004: 118];

(3) *Да вот это самое: никто не хочет, кому ни говорю, — руками и ногами, зарежут, говорят* [НКРЯ. А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)];

就是这件事呀：我无论跟谁说，无论怎样跟他们好说歹说，谁也不愿意干。他们说，这简直是要他们的命。[Лэй Жань 1981: 2].

В контексте (1) *это самое* и *как его* функционируют как *вербальные поисковые хезитативы*. Здесь можно наблюдать грамматическую гармонию обоих маркеров и найденного слова (*в это самое, как его — в окончательное торжество дела*). В контексте (3) единицы *да, вот, это самое* проявляют свою полифункциональность, выступая одновременно в роли стартовых маркеров и хезитативов. В примере (2) объектом поиска, осуществляемого говорящим с помощью хезитативов *это самое* и *значит*, является выражение (дополнение в структуре предложения) *или с чего другого*. Видно, что во всех трех примерах ПМ *это самое* объединяется с прагматически «синонимичными» хезитативно-поисковыми маркерами. Но только в контексте (1) переводчик нашел соответствующий аналог ПМ *это самое* в китайском языке: *那个 на гэ (page)*, при этом второй маркер *как его* в составе хезитационной цепочки так и остался незамеченным и непереведенным.

В примере (2) использован прием опущения ЭС, а маркер *как его* переведен как значимая единица 看起来 *кань ци лай* (kan qī lai) ‘выглядит’. В примере (3) переводчик не нашел адекватного соответствия в китайском языке и перевел хезитативный комплекс как значимые единицы 就是这件事呀 *цзю ши чжэ цзянь ши я* (jiu shi zhe jian shi ya) ‘вот это дело’.

Далее рассмотрим, как употребляется и переводится маркер *как его* (*её, их*) в составе цепочек ПМ.

(4) *Речь его читал на конференции марксистов, этих, как их... Ну, вот земельным вопросом они... да как их, черт? Ну, земельников, что ли!* [НКРЯ. М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 1 (1932)];

“我读了他在马克思主义者的会议上的演说辞……他们是在那会议上讨论农村问题的。该死，他们叫什么呢……农村工作者，是吗？”[Ли Бо 1936: 9];

(5) *Но куда вы денете этого, как его, э... забыл его настоящую фамилию, Валерия Крайнова? — Надеюсь на подсказку, он с мучительно напряженным лицом выждал мгновение-другое, но в ту пору крайновской тайны не знал пока и сам Саша* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

“可是您让那个人干什么呀，嗯……大概叫什么瓦列里·克拉伊诺夫吧？”昌德维茨基说到这里，凝神地顿了一会儿，指望萨沙能接过他的话头，但是当时的萨沙对克拉伊诺夫的秘密，也是毫无所知的。[Цзян Чанбинь, 1984, 2: 573].

Это единственные два примера в исследуемом материале (из 18 случаев; 11,1 %), содержащих маркер *как его* (*её, их*), в которых переводчик совсем не перевел ПМ. В контексте (4) на хезитацию указывает только многоточие, в контексте (5) — неречевой звук э и многоточие (嗯……), сохраненные переводчиком.

(6) *Ничего, сейчас мы вольем в наши старые цистерны эти терпкие бордоские калории и растопим этот, как его, э... ну, старинный наш лед!* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

没什么，来，往咱们的老皮囊里倾注些波尔特温卡路里吧，让苦酒来溶解，暖……咱俩之间，该怎么说呢，咱俩之间的寒冰吧！”[Цзян Чанбинь, 2 1984: 590];

(7) — *Ну, в этом, как его... в старом мире. Не раз сама рефераты о нем читала... и одного никак в толк не возьму: уж сколько веков гниет, а все еще держится. Хоть бы в щелку на него взглянуть, что это за штука живучая такая... и почему, почему она не взорвалась, не распалась давно от одной боли людской?* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

“喏，就是在那里……在旧世界。关于它，我读过一些东西……有一点我实在想不通：它腐烂着，已经几个世纪了，可是却没有死掉。我真想去看它一眼，看看那里都是些什么人……为什么？究竟为什么它还没有自行爆炸，自行瓦解？单是因为人们的痛苦就该这样了，对吗？”[Цзян Чанбинь, 1984, 2: 529];

(8) — *Ты тут чего?*

— *А я, Исай Ермилыч... Этого... как его... — завилал елейным голосочком целовальник. — Проведать, не созоровала ль чего с вами Стешка... Кто ее знает?.. Опаска не вредит. А я за своих гостей в ответе быть должен... Хи-хи-хи!..* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];

“你在这儿干什么？”

“我……伊萨依·叶尔米雷奇……是……这个……”掌柜的轻声细气地支吾着，说不出个所以然来。他眼珠一转，“我看看斯乔莎是不是对您起了坏心……她可没准儿……小心点儿没坏处。我得对我的客人负责……嘿嘿、嘿嘿！……”[Ли Туншэн и др., 2 2002: 1077];

(9) *бедноватая обстановка вихровского жилья и неестественное после долгой разлуки радушие этой... ну, как ее? — Тауски* [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

维赫罗夫简朴的住宅，久别之后的那个……她叫什么啦？啊，塔伊西卡…… [Цзян Чанбинь, 1 1984: 141].

В примере (6) цепочка состоит из хезитативных маркеров (*этот, как его*), неречевого звука (*э...*) и частицы (*ну*). В параллельном китайском тексте переводчик нашёл аналог только маркеру *как его* — 该怎么说呢 *чжэ цзэнь мэ шо нэ* (*gai zen me shuo ne*) ‘как сказать’.

В примере (7) вербальный хезитатив в *этом* был переведен как соответствующий китайский маркер 在那里 *цзай на ли* (*zai na li*) ‘там’, а другой маркер — *как его* — был переводчиком проигнорирован. Кроме этого, многоточие после *как его* в русском оригинале было сохранено и перемещено после первого переведенного маркера 在那里 *цзай на ли* (*zai na li*) ‘там’.

В контексте (8) только хезитативный маркер *этого* был переведен как аналогический китайский хезитатив 这个 *чжэ гэ* (*zhege*) ‘этот’, а маркер *как его* в переводе был опущен.

В последнем примере (9) два хезитатива удалось перевести как китайские соответствия 那个 *на гэ* (*nage*) ‘тот’ и 她叫什么啦 *та цзяо шэнь мэ ла* (*ta jiao shen me la*) ‘как ее зовут’, но частица *ну*, также важная в русском тексте для реализации функции поиска, осталась непереведенной.

Другими словами, в данных четырех случаях переводчики перевели только часть компонентов цепочек ПМ и не полностью воссоздали аналогические цепочки в переводном тексте.

В остальных примерах из пользовательского подкорпуса (12; 66,7 %) все ПМ в составе цепочек были переведены как китайские соответствия, ср.:

(10) *А Прохор Петрович в самый разгар работ пробыл у этих... как их... у Божьих людей... Сколько? Ну вот, полтора месяца. Раз! А потом — болезнь. Два! Ну, и все кувырком. Это уж ясно* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8 (1913–1932)];

可普罗霍夫·彼得罗维奇在最吃紧的时候却在这些……怎么称呼他们呢……在这些好人那里待了……待了有多久呢？噢，瞧瞧，有半个月。这是一！后来又病了。这是二！于是情形就完全不同的。这已经清楚了。[Ли Туншэн и др., 2002, 2: 1161]

(у этих → 这些 *чжэ се* ‘у этих’; как их → 怎么称呼他们呢 *цзэнь мэ чэн ху та мэнь нэ* ‘как их назвать’);

(11) *Караваев уставился бельмом на Чуку, неохотно сказал:*

— *Да тут... как его... калмычонок один подсел ко мне. Сайгаков ушел промышлять, надо быть* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 1-я. Ч. 3 (1934–1939)];

“就在这儿……他是是个加尔梅克人，搭我的车一块来的。想来他一定是去打羚羊了。”[Дай Цун и др., 1985, 2: 486] (*Да тут* → 就在这儿 *цзю цзай чжэ эр* ‘да тут’; как его → 他是 *та ши* ‘он (есть)’);

(12) — *Я давеча сказал: между прочим... О чем, бишь, я? — взгляд Петра опять поймал на прицел Елизавету Воронцову и красавчика-поляка. — Да! Вы, господа, помните этого мальчишку... как его, как его?.. гвардейца, юнкера...* [НКРЯ. В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 1-я. Ч. 1–2 (1934–1939)];

“我刚才说，我倒要问问……不过，问什么来着，忘了，”彼得的视线又盯住了伊丽莎白·沃隆佐娃和那个波兰美男子。“想起来了。先生们，你们还记得那个小子……他叫什么来着，什么来着？……就是那个近卫军，士官生……”[Дай Цун и др., 1985, 1: 155] (*как его* → 他叫什么来着 *та цзяо шэнь мэ лай чжэ*, ‘как его зовут’; как его → 什么来着 *шэнь мэ лай чжэ* ‘как его’);

(13) *Ты кого говоришь-то? Кого говоришь-то? Она замуж-то вон куда выходила — в Краюшкино, ну! Правильно. За этого, как его? За этого... За Митьку Хромова она выходила! — Ну, за Митьку. — А Хромовых раскулачили...* [НКРЯ. В. М. Шукшин. Калина красная (1973)];

“你说的是谁？说的是谁？她嫁到老远的克拉尤什基诺去了，对吧” “对于。嫁给那个……叫什么来着？那个……” “她嫁给了米基卡·赫罗莫夫！” “对，嫁给了米基卡。” [Вэй

Фаньсюй и др. 1987: 44] (За этого → 那个 *на гэ* ‘тот’; как его — 叫什么来着 *цзяо шэнь мэ лай чжэ* ‘как зовут’; За этого → 那个 *на гэ* ‘тот’);

(14) Поэтому разумнее было бы говорить о длительности не войны, а самых передышек. Какая у вас отметка **по этой, как ее...** политграмоте? [НКРЯ. Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)];

因此, 较为明智的是, 不应该谈论战争会持续多久, 而应该探讨人类能够取得多长喘息的间歇。您的.....那叫什么学科啦? 啊, 政治常识得几分? [Цзян Чанбинь, 1984, 1: 119] (*по этой* → 那 *на* ‘тот’; как ее → 叫什么学科啦 *цзяо шэнь мэ сюе кэ ла* ‘как предмет называется’);

(15) Тут Прохор вовремя опаматовался и невнятно промямлил: — Я вас, извините, **этого — как его,** я вас **собирался послать...** Впрочем... До свиданья [НКРЯ. В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4 (1928–1933)];

普罗霍尔及时清醒过来, 含糊地慢吞吞地说: “对不起, 这一怎么说呢, 我就会将您送去 不过 再见吧。” [Ли Туншэн и др., 2002, 1: 464] (этого → 这 *чжэ* ‘это’; как его → 怎么说呢 *цзэнь мэ шо нэ* ‘как сказать’).

Что касается ПМ *это* в разных грамматических формах, то в переводе нашлись разные варианты двух его китайских аналогов 这个 *чжэ гэ* (zhege) ‘это’ и 那个 *на гэ* (nage) ‘тот’: 这些 *чжэ се* (zhe xie) ‘у этих’ (10); 那个 *на гэ* (nage) ‘тот’ (13); 那 *на* (na) ‘тот’ (14); 这 *чжэ* (zhe) ‘это’. В контексте (11) переводчик перевел хезитативную конструкцию *да тут* как китайскую аналогическую конструкцию 就在这儿 *цзю цзай чжэ эр* (jiu zai zhe er) ‘да тут’.

Для ПМ *как его* (*её, их*) в ходе исследования выявлено пять приемов перевода:

- 1) воспроизведение аналогического хезитатива: *как его* → 什么来着 *шэнь мэ лай чжэ* ‘(shen me lai zhe) его’ (12);
- 2) похожий хезитатив: *как его* → 怎么说呢 *цзэнь мэ шо нэ* (zen me shuo ne) ‘как сказать’ (15);

3) замена ПМ полнозначной фразой с поисково-хезитативной функцией: *как их* → 怎么称呼他们呢 *цзэнь мэ чэн ху та мэнь нэ* (zen me cheng hu ta men ne) ‘как их назвать’ (10); *как его* → 他叫什么来着 *та цзяо шэнь мэ лай чжэ* (ta jiao shen me lai zhe) ‘как его зовут’ (12);

4) замена ПМ неполным выражением: *как его* → 他是 *та ши* (ta shi) ‘он (есть)’;

5) замена личного местоимения на имя существительное: *как ее* → 叫什么学科啦 *цзяо шэнь мэ сюе кэ ла* (jiao shen me xue ke la) ‘как предмет называется’.

Важно отметить, что, несмотря на различную степень точности воспроизведения оригинального текста с помощью выявленных способов перевода, хезитативная функция русских ПМ во всех переводных текстах оказалась воссоздана, т. е. достигнута эквивалентность на уровне речевой функции, помогающей реализовать общую цель коммуникации. Согласно мнению А. В. Федорова, «понимание языка не как формы, а как функции, как носителя содержания, которое с помощью его средств получает особое освещение, понимание конечной цели перевода не как создания некоего слепок с языка оригинала, а как воссоздания того единства содержания и формы, которое образует произведение литературы; осуществление этой задачи было мыслимо только в функциональном плане и по отношению не к отдельно взятым деталям, а к тому целому, каковым является литературное произведение, носящее печать индивидуального стиля творческой личности писателя» [Федоров 1967: 34].

По данным проведенного исследования, в 16 случаях употребления *как его* (*её, их*) присоединяется к ПМ *это*, в том числе в 15 случаях — слева, в 1 случае — с двух сторон; одно его употребление присоединяется к ПМ *это самое*; и еще одно просто дублируется. Этот результат соответствует данным об активном использовании структурных вариантов ПМ *это* и *как его* (*её, их*) в живой речи (подробнее об этом см.: [Прагматические маркеры... 2021: 223]).

Результаты исследования в определенной степени также показали, что речь персонажей художественных произведений является неплохой имитацией живой разговорной речи. Шесть подобранных контекстов извлечены из романа Л. М. Леонова «Русский лес», 4 контекста — из романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река», а в других произведениях встретились только единичные примеры.

Кроме всего сказанного, произведенный анализ показал большую разницу в степени сложности перевода цепочек с двумя исследуемыми русскими прагматическими маркерами.

Так, китайские переводчики легко ассоциируют ПМ *как его* (её, их) с выражением *как его* (её, их) *зовут/называют*, которое в роли вводной конструкции в составе предложения также может реализовать поисково-хезитативную функцию, поэтому понимание и воспроизведение функции данного маркера не приносит переводчикам много трудностей. Стоит отметить, что аналогичный или похожий китайский ПМ не всегда удается найти: 什么来着 *шэнь мэ лай чжэ* (shen me lai zhe) ‘как его’ (3); 怎么说呢 *цзэнь мэ шо нэ* (zen me shuo ne) ‘как сказать’ (4). Только в одном переводном тексте данный маркер был опущен (1). В остальных случаях его перевели как выражение на китайском языке *как его* (её, их) *зовут/называют* (10).

Что касается маркера *это*, который часто притягивается к ПМ *как его* (её, их), то переводчикам гораздо легче найти его аналог, поскольку его буквальный перевод 这个 *чжэ гэ* (zhege) тоже часто употребляется в китайской повседневной речи как хезитатив. Хезитативный маркер 这个 *чжэ гэ* (zhege) на китайском языке имеет свой аналог — 那个 *на гэ* (nage) ‘то’, поэтому в переводах часто используются оба маркера.

По сравнению с маркером *это*, перевод ПМ *это самое* оказался гораздо труднее, потому что в данном случае слово *самое* в китайском языке не имеет своего эквивалента, сочетание *это* и *самое* осложняет ощущение и понимание переводчиком его хезитативной функции, тем более поиск его аналогов. Только «немногие переводчики способны не только точно определить функцию *это самое* в исходном контексте,

но и использовать в переводе соответствующий китайский ПМ — для достижения эквивалентности на уровне функции» [Sun Xiaoli 2021: 328]. Кроме того, ПМ *это самое* не имеет абсолютного эквивалента в китайском языке, поэтому опытные переводчики часто используют для его перевода аналоги маркера *это* — 这个 *чжэ гэ* (zhege) ‘это’ и 那个 *на гэ* (nage) ‘то’. Таким образом, можно понять, почему цепочки ПМ, содержащие *как его* (её, их) и *это*, гораздо легче перевести, чем цепочки ПМ, содержащие маркер *это самое*.

Во всех подобранных контекстах все маркеры, объединяющиеся в цепочки, имеют сходные (прагматически «синонимичные») функции. Не нашлось ни одного случая цепочки, состоящей из разнофункциональных ПМ (об употреблении «несинонимичных» ПМ в живой повседневной речи см.: [Богданова-Бегларян 2019; Сунь Сяоли 2022]). Помимо этого, по сравнению с употреблением исследуемых ПМ в естественной повседневной речи, имитируемые авторами в художественных произведениях цепочки ПМ оказались гораздо короче. Все это свидетельствует о дистанции между стилизованной (квазиспонтанной) и настоящей спонтанной речью и о неправомерности отождествления дискурса персонажей и естественной речи.

Заключение

«Для искусства перевода важно, чтобы он был максимально полным воспроизведением оригинала и полноценным литературным произведением. Перевод изначально не может быть равным оригиналу, потери и добавления неизбежны, но он должен соответствовать ему по силе и направленности эмоционального воздействия на читателей» [Модестов 2006: 23]. Стилизованная разговорная речь занимает важное место в структуре художественных произведений, с ее помощью автор передает индивидуальные особенности речи персонажей, создает их речевой портрет. Поиски приемов хорошего перевода разговорной речи можно считать актуальной и перспективной задачей современного переводоведения. Синтагматическая активность русских ПМ может повышать сложности перевода, и переводчику труд-

но полностью адекватно воссоздать комбинированную цепочку ПМ в переводном тексте. Это требует от него применения метода дискурсивного анализа, учета кон-

текстных факторов, правильного понимания функции ПМ, чтобы сохранить индивидуальность персонажей оригинального литературного произведения.

Источники материала и иные ресурсы

- Вэй Фаньсюй и др. 1987 — 韦范序等译. 瓦·马·舒克申 (作者). 红莓. 上海: 上海译文出版社, 1987. 379 页. (= Вэй Фаньсюй и др. (пер.). *В. М. Шукин*. Калина красная. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 1987. 379 с.)
- Дай Цун и др. 1985 — 戴骢, 任重 (译者). 维·雅·希什科夫 (作者). 普加乔夫第1卷. 福州: 海峡文艺出版社, 1985. 上部: 342 页, 下部: 538 页. (= Дай Цун, Жэнь Чжун (пер.). *В. Я. Шишков*. Пугачев. Т. 1. Фучжоу: Хайсяское изд-во лит-ры и искусства, 1985. Ч. 1. 342 с.; Ч. 2. 538 с.)
- Ли Бо 1936 — 立波 (译者). 米·阿·萧洛霍夫 (作者). 被开垦的处女地. 北京: 作家出版社, 1936. 326 页. (= Ли Бо (пер.). *М. А. Шолохов*. Поднятая целина. Пекин: Изд-во писателей, 1936. 326 с.)
- Ли Ган 2010 — 力冈 (译者). 米·阿·肖洛霍夫 (作者). 静静的顿河. 南京: 译林出版社, 2010. 1462 页. (= Ли Ган (пер.). *М. А. Шолохов*. Тихий Дон. Нанкин: Изд-во Илин, 2010. 1462 с.)
- Ли Туншэн и др. 2002 — 李通生等 (译者). 维·雅·希什科夫 (作者). 阿克留姆河. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2002. 上部: 55 页,

下部: 1177 页. (= Ли Туншэн и др. (пер.). *В. Я. Шишков*. Угрюм-река. Харбин: Северное лит.-худож. изд-во, 2002. Ч. 1. 554 с.; Ч. 2. 1177 с.)

Лэй Жань 1981 — 磊然 (译者). 安·谢·马卡连柯 (作者). 教育诗. 北京: 群众出版社, 1981. 299 页. (= Лэй Жань (пер.). *А. С. Макаренко*. Педагогическая поэма. Пекин: Изд-во народа, 1981. 299 с.)

Люй Шаоцзун 2004 — 吕绍宗 (译者). 米·米·左琴科 (作者). 左琴科幽默讽刺作品集. 南京: 译林出版社, 2004. 494 页. (= Люй Шаоцзун (пер.). *М. М. Зощенко*. Избранные юмористические и сатирические произведения Зощенко. Нанкин: Изд-во Илин, 2004. 494 с.)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.11.2022).

Цзянь Чанбинь 1984 — 姜长斌 (译者). 列·列昂诺夫 (作者). 俄罗斯森林. 黑龙江: 黑龙江人民出版社, 1984. 上部: 457 页; 下部: 828 页. (= Цзянь Чанбинь (пер.). *Л. М. Леонов*. Русский лес. Хэйлуцзянь: Хэйлуцзяньское народное изд-во, 1984. Ч. 1. 457 с.; Ч. 2. 828 с.)

Sources

- Leonov L. M. The Russian Forest. Jiang Changbin (transl.). Heilongjiang: Heilongjiang People's Publishing House, 1984. Part 1, 457 p.; part 2, 828 p. (In Chin.)
- Makarenko A. S. The Pedagogical Poem. Lei Ran (transl.). Beijing: Qínzhōng Publishing House, 1981. 299 p. (In Chin.)
- Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 10 November 2022). (In Russ.)
- Shishkov V. Ya. Gloomy River. Li Tongsheng et al. (transl.). Harbin: Northern Literature and Art Publishing House, 2002. Part 1, 554 p.; part 2, 1177 p. (In Chin.)
- Shishkov V. Ya. [Yemelyan] Pugachev. Dai

Cong, Ren Zhong (transl.). Vol. 1. Fuzhou: Haixia Literature & Art Publishing House, 1985. Part 1, 342 p.; part 2, 538 p. (In Chin.)

Sholokhov M. A. And Quiet Flows the Don. Li Gang (transl.). Nanjing: Yilin Publishing House, 2010. 1462 p. (In Chin.)

Sholokhov M. A. Virgin Soil Upturned. Li Bo (transl.). Beijing: Writers Publishing House, 1936. (In Chin.)

Shukshin V. M. Snowball Berry Red. Wei Fanxu et al. (transl.). Shanghai: Shanghai Translation Publishing House, 1987. 379 p. (In Chin.)

Zoshchenko M. M. Selected Humorous and Satirical Writings of Zoshchenko. Lu Shaozong (transl.). Nanjing: Yilin Publishing House, 2004. 494 p. (In Chin.)

Литература

- Богданова-Бегларян 2019 — Богданова-Бегларян Н. В. Один в поле не воин: о «магне-

тизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019, № 7. С. 14–19.

- Богданова-Бегларян 2021 — *Богданова-Бегларян Н. В.* Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // *И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 1.* М.: АН СССР, 1963. С. 348–350.
- Виноградова 1979 — *Виноградова В. Н.* О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе // *Очерки по стилистике художественной речи.* М.: Наука, 1979. С. 66–76.
- Горбунова 2021 — *Горбунова Д. А.* Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 275 с.
- Зайдес 2020 — *Зайдес К. Д.* Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 247 с.
- Земская 1987 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1987. 237 с.
- Ким 2020 — *Ким Т. Г.* Прагматические маркеры русской устной речи в составе комбинированных цепочек (монолог vs диалог). Дипл. соч. СПб., 2020. 104 с.
- Модестов 2006 — *Модестов В. С.* Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Лит. ин-т им. М. Горького, 2006. 463 с.
- Подлеская 2013 — *Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.).* Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Прагматические маркеры... 2021 — *Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н. В. Богданова-Бегларян.* М.: Нестор-История, 2021. 520 с.
- Рыжова 2003 — *Рыжова Н. В.* Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2003. № 1. С. 29–34.
- Сунь Сяоли 2022 — *Сунь Сяоли.* Прагматический маркер *это самое* в составе комбинированных цепочек в современном устном дискурсе (корпусное исследование) // *Социо- и психолингвистические исследования.* Вып. 10. 2022. С. 63–69.
- Федоров 1967 — *Федоров А. В.* К вопросу о переводимости // *Актуальные проблемы теории художественного перевода: мат-лы Всесоюз. симпозиума (г. Москва, 25 февраля – 2 марта 1966 г.).* М.: Советский писатель, 1967. С. 31–37.
- Frank-Job 2006 — *Frank-Job B. A.* Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers // *Approaches to Discourse Particles / K. Fischer (ed.).* Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 395–413.
- Hayashi, Yoon 2006 — *Hayashi M., Yoon K.* A Cross-Linguistic Exploration of Demonstratives in Interaction: With Particular Reference to the Context of Word-formulation Trouble // *Studies in Language.* № 30, 2006. Pp. 485–540.
- Podlesskaya 2010 — *Podlesskaya V. I.* Parameters for Typological Variation of Placeholders: Fillers, Pauses and Placeholders // *Typological Studies in Language (TSL), vol. 93 / N. Amiridze, B. H. Davis and M. MacLagan (eds.).* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32.
- Sun Xiaoli 2021 — *Sun Xiaoli.* The Ways of Translating Pragmatic Marker *ETO SAMOE* (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // *Communication Studies.* 2021. Vol. 8, No. 2, Pp. 323–332.

References

- Baudouin de Courtenay I. A. Some general provisions to which Baudouin was led by his observations and studies of language phenomena. In: Baudouin de Courtenay I. A. *Selected Works on General Linguistics.* In 2 vols. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. Pp. 348–350. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 520 p. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. Editorial. In: Bogdanova-Beglarian N. V. (comp., ed.) *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monographic Dictionary.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 5–52. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N. V. One in the field is not a warrior: On the “magnetism” of pragmatic markers in the Russian speech. *Socio- and psycholinguistic studies*. 2019. No. 7. Pp. 14–19. (In Russ.)
- Fedorov A. V. Translatability revisited. In: Current Questions of Theory of Literary Translation. Symposium proceedings (Moscow, 25 February – 2 March 1966). Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1967. Pp. 31–37. (In Russ.)
- Frank-Job B. A. Dynamic-interactional approach to discourse markers. In: Fischer K. (ed.) *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 395–413. (In Eng.)
- Gorbunova D. A. Pragmatic Markers of Russian Colloquial Speech: Correlation with the Speaker’s Personality Type. Cand. Sc. (philology) thesis. Typescript. St. Petersburg, 2021. 275 p. (In Russ.)
- Hayashi M., Yoon K. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: With particular reference to the context of word-formulation trouble. *Studies in Language*. 2006. No. 30. Pp. 485–540. (In Eng.)
- Kim T. G. Pragmatic Markers of Russian Colloquial Speech in Combined Chains: Monologue vs Dialogue. BA thesis. Typescript. St. Petersburg, 2020. 104 p. (In Russ.)
- Modestov B. C. Literary Translation: History, Theory, Practice. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute, 2006. 463 p. (In Russ.)
- Podlesskaya V. I. Parameters for typological variation of placeholders: Fillers, pauses and placeholders. In: Amiridze N., Davis B. H., MacLagan M. (eds.) *Typological Studies in Language (TSL)*. Vol. 93. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 11–32. (In Eng.)
- Podlesskaya V. I. Vague reference in Russian: Evidence from spoken corpora. In: Selegey V. P. (ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Conference proceedings (Bekasovo, 29 May – 2 June 2013)*. Is. 12 (19). In 2 vols. Vol. 1: Basic Conference Program. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2013. Pp. 631–643. (In Russ.)
- Ryzhova N. V. Exploring colloquial speech as a special variety of fiction language. *Bulletin of People’s Friendship University of Russia. Series ‘Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching’ (Russian Language Studies)*. 2003. No. 1. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Sun Xiaoli. The pragmatic marker *eto samoe* within combined chains in modern oral discourse (corpus study). *Socio- and psycholinguistic studies*. 2022. No. 10. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Sun Xiaoli. The ways of translating pragmatic marker ETO SAMOE (Based on the material of parallel Russian and Chinese literary texts). *Communication Studies*. 2021. Vol. 8. No. 2. Pp. 323–332. (In Eng.)
- Vinogradova V. N. Stylization of colloquial speech in contemporary fiction revisited. In: *Essays on Stylistics of Fiction*. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 66–76. (In Russ.)
- Zaides K. D. Pragmatic Predicative Type Markers in Spontaneous Russian Colloquial Speech. Cand. Sc. (philology) thesis. Typescript. St. Petersburg, 2020. 247 p. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Teaching Problems. 2nd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 1987. 237 p. (In Russ.)

